

Сценарий проведения патриотической акции «Читаем детям о войне»

1. Цель акции:

Создание условий для воспитания патриотических чувств у обучающихся на примерах лучших образцов детской литературы о Великой Отечественной войне.

2. Задачи акции:

1. Формирование у подрастающего поколения чувства сопричастности к событиям Великой Отечественной войны.
2. Сохранение исторической памяти и передача её подрастающему поколению.
3. Формирование гражданской и духовной идентичности обучающихся.
4. Привлечение внимания детей к героическому прошлому истории России через создание самодельных книжек о Великой Отечественной войне, сборе информации о родственниках – участниках Великой Отечественной войны.
5. Увеличение аудитории, интересующейся чтением книг о Великой Отечественной войне.

3. Организаторы акции:

ШВР гимназии, сектор шефской работы школьного самоуправления

4. Участники акции

В акции принимают участие обучающиеся 2-4,8-10 классов

5. Оборудование:

1. Презентация акции «Читаем детям о войне» (Приложение №1)
2. Использованные в сценарии художественные произведения о войне (Приложение №2)
3. Песня «Голубь мира»
4. Фигурки бумажных голубей, лавровых веточек (Приложение №3)

Блок I ОТКРЫТИЕ АКЦИИ (слайд №1)

Ведущий:

Добрый день, ребята! Сегодня у нас проходит патриотическая акция «Читаем детям о войне».

Ведущий:

(слайд №2)

Ее девиз: «Помнить можно только о том, что знаешь. Если рассказать детям о войне, им будет, что помнить».

(слайд №3)

Ведущий:

У этой акции есть своя эмблема: вы её можете увидеть на слайде. 6 мая 2020 года все желающие взрослые и дети из многих стран станут участниками громких чтений книг о войне.

Ведущий:

И мы приглашаем вас присоединиться к этой акции.

Блок II

«И ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ НАМ КНИГА ОСТАВЛЯЕТ» (слайд №4)

Ведущий:

Есть события, над которыми время не властно. К таким событиям относится Великая Отечественная война. Воспоминания о Великой Победе не должны исчезнуть из нашей памяти. А поможет нам в этом книга.

Ведущий:

В годы Отечественной войны люди нуждались в книге, несущей надежду и уверенность в победе.

(слайд №5)

В дни ленинградской блокады поэт Н. С. Тихонов записал в дневнике: «В городе в огромном спросе книга... Книжные магазины полны покупателей. Все приезжающие с передовых позиций жадно устремляются за книгой».

Ведущий:

В музеях хранится немало книг, обогранных кровью и пробитых пулями. К некоторым из них приложены письма солдат и офицеров. В одном из таких писем говорится: «Вашу книгу (речь шла о книге М. А. Шолохова «Они сражались за Родину») я ношу так же, как и мои товарищи, всегда с собой в сумке. Она нам помогает жить и сражаться.

Ведущий:

Но еще более удивительными кажутся истории о том, как солдаты, забывая об опасности, собирали книги среди обгоревших, полуразрушенных зданий, перелистывая в свободное время любимые страницы.

Ведущий:

Мы сегодня с вами тоже перелистаем любимые страницы книг о войне.

Блок III МЫ О ВОЙНЕ СТИХАМИ ГОВОРИМ (слайд №6)

Ведущий:

Стихотворение, которое вы сейчас услышите, написано Константином Симоновым в 1941 году при отступлении войск из Брестской крепости – о седом десятилетнем мальчишке, который за 10 дней войны пережил многое. Это стихотворение – призыв - стоять насмерть ради маленьких сыновей и дочерей, у которых отняли детство.

(слайд №7)

Чтец:

Читает стихотворение Константина Симонова «Майор привез мальчишку на лафете» (Приложение №1)

Блок III О ВОЙНЕ РАССКАЖЕТ КНИГА (слайд №10)

Ведущий:

(слайд №11)

А я люблю читать рассказы о войне. В основу одного из них положен «Дневник Тани Савичевой» - 9 страшных записей о гибели ее большой семьи в блокадном Ленинграде. Рассказ называется «Девочки с Васильевского острова», написал его Юрий Яковлев.

(слайд №12, анимация)

Чтец: (читает наизусть отрывок из рассказа «Девочки с Васильевского острова» Юрия Яковлева).

Ведущий:

Сколько их вчерашних выпускников сразу из-за школьной парты ушло на войну. А среди них девчонки, юные, красивые – медсестры и санинструкторы, без которых на поле боя никак не обойтись. Об этом рассказ «Леночка» Елены Пономаренко.

(слайд №15)

Чтец:

Читает *отрывок из рассказа Елена Пономаренко «Леночка» (Приложение №1)*

Блок IV

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ О ВОЙНЕ

Ведущий:

Ребята! А вы любите читать? Есть ли у вас любимые книги о войне?

Ведущий:

Мы предлагаем вам самостоятельно прочитать рассказы и стихи о войне и сделать по любому произведению самодельную книжку.

Ведущий:

И вы, может быть, все вместе в классе или дома вместе с родителями еще раз обратитесь к событиям Великой Отечественной войны.

Ведущий:

А потом на бумажном голубе (Почему голубь? Что означает лавровая веточка в его клюве?) написать название любимого произведения о войне. Не забудьте указать автора произведения. Затем голубя нужно наклеить на страницу нашей книги.

Ведущий:

Пусть читателей военных книг станет больше!

Мы снова возвращаемся к девизу нашей акции: «Помнить можно только о том, что знаешь. Если рассказать детям о войне, им будет, что помнить».

Ведущий:

Читайте, дети, о войне!

Помните! Какою ценой завоевано счастье,—
пожалуйста, помните!

Приложения

Использованные в сценарии художественные произведения о войне

1. Константин Симонов «Майор привез мальчишку на лафете»

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

За тридевять земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит. Испытанный судьбой,
Я верю: мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет, когда наступит дата
Ему, как мне, идти в такие дни
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

2. Отрывок из рассказа Юрия Яковлева «Девочки с Васильевского острова»

Говорят, есть врачи, которые лечат от заикания. Я нашла бы такого. Мы, василеостровские девчонки, кого хочешь найдем! Но теперь врач уже не нужен. Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. Ее везли из осажденного Ленинграда на Большую землю, и дорога, названная Дорогой жизни, не смогла подарить Тане жизнь.

Девочка умерла от голода... Не все ли равно от чего умирать - от голода или от пули. Может быть, от голода еще больше...

Я решила отыскать Дорогу жизни. Поехала на Ржевку, где начинается эта дорога. Прошла два с половиной километра - там ребята строили памятник детям, погибшим в блокаду. Я тоже захотела строить.

Какие-то взрослые спросили меня:

- Ты кто такая?

- Я Валя Зайцева с Васильевского острова. Я тоже хочу строить.

Мне сказали:

- Нельзя! Приходи со своим районом. Понимаете, я ведь не так просто хочу строить.

Я хочу строить своей подруге... Тане Савичевой.

Они выкатили глаза. Не поверили. Переспросили:

- Таня Савичева твоя подруга? Но ее же нет...

До чего бестолковые люди, а еще взрослые! Что значит "нет", если мы дружим? Я сказала, чтобы они поняли:

- У нас все общее. И улица, и школа. У нас даже почерк одинаковый!

- Почерк? - Они удивились еще больше.

- А что? Почерк!

Неожиданно они повеселели, от почерка:

- Это очень хорошо! Это прямо находка. Поедем с нами.

- Никуда я не поеду. Я хочу строить...

- Ты будешь строить! Ты будешь для памятника писать Таниным почерком.

- Могу, - согласилась я. - Только у меня нет карандаша. Дадите?

- Ты будешь писать на бетоне. На бетоне не пишут карандашом.

Я никогда не писала на бетоне. Я писала на стенках, на асфальте, но они привезли меня на бетонный завод и дали Танин дневник - записную книжку с алфавитом: а, б, в... У меня есть такая же книжка. За сорок копеек.

Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано:

"Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г."

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти.

Но я василеостровская. И если у подруги умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

- Давайте ваш бетон. Буду писать.

Кран опустил к моим ногам огромную раму с густым серым тестом. Я взяла палочку, присела на корточки и стала писать. От бетона веяло холодом. Писать было трудно. И мне говорили:

- Не торопись.

Я делала ошибки, заглаживала бетон ладонью и писала снова.

У меня плохо получалось.

- Не торопись. Пиши спокойно.

"Бабушка умерла 25 янв. 3ч. дня 1942г."

Пока я писала про Женю, умерла бабушка.

Если просто хочешь есть, это не голод - поешь часом позже.

Я пробовала голодать с утра до вечера. Вытерпела. Голод - когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце - все, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает.

"Лека умер 17 марта в 5 часов утра 1942г."

У Леки был свой угол, отгороженный шкафами, он там чертил.

Зарабатывал деньги черчением и учился. Он был тихий и близорукий, в очках, и все скрипел у себя своим рейсфедером. Мне рассказывали.

Где он умер? Наверное, на кухне, где маленьким слабым паровозиком дымила "буржуйка", где спали, раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти. Леке не хватило лекарства...

- Пиши, - тихо сказали мне.

В новой раме бетон был жидкий, он напознал на буквы. И слово "умер" исчезло.

Мне не хотелось писать его снова. Но мне сказали:

- Пиши, Валя Зайцева, пиши.

И я снова написала - "умер".

"Дядя Вася умер 13 апр. 2ч. ночь 1942г."

"Дядя Лёша 10 мая в 4 ч. дня 1942г."

Я очень устала писать слово "умер". Я знала, что с каждой страничкой дневника Тане Савичевой становилось все хуже. Она давно перестала петь и не замечала, что заикается. Она уже не играла в учительницу. Но не сдавалась - жила. Мне рассказывали... Наступила весна. Зазеленели деревья. У нас на Васильевском много деревьев. Таня высохла, вымерзла, стала тоненькой и легкой. У нее дрожали руки и от солнца болели глаза. Фашисты убили половину Тани Савичевой, а может быть, больше половины. Но с ней была мама, и Таня держалась.

- Что же ты не пишешь? - тихо сказали мне. - Пиши, Валя Зайцева, а то застынет бетон.

Я долго не решалась открыть страничку на букву "М". На этой страничке Таниной рукой было написано: "Мама 13 мая в 7.30 час. утра 1942 года". Таня не написала слово "умерла". У нее не хватило сил написать это слово.

Я крепко сжала палочку и коснулась бетона. Не заглядывала в дневник, а писала наизусть. Хорошо, что почерк у нас одинаковый.

Я писала изо всех сил. Бетон стал густым, почти застыл. Он уже не напознал на буквы.

- Можешь еще писать?

- Я допишу, - ответила я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз. Ведь Таня Савичева моя... подружка.

Открыла страничку "С". Там было два слова: "Савичевы умерли".

Открыла страничку "У" - "Умерли все". Последняя страничка дневника Тани Савичевой была на букву "О" - "Осталась одна Таня".

И я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестренки Люльки. Голодная. Под обстрелом.

Моя подружка Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нем жила Таня Савичева и жили еще много других девчонок и мальчишек, которые так навсегда и остались в своем времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней.

А дружат ведь только с живыми.

3. Отрывок из рассказа Елены Пономаренко «Леночка»

Теплом и гомоном грачей наполнялась весна. Казалось, что уже сегодня кончится война. Уже четыре года как я на фронте. Почти никого не осталось в живых из санинструкторов батальона. Моё детство как-то сразу перешло во взрослую жизнь. В перерывах между боями я часто вспоминала школу, вальс... А наутро война. Решили всем классом идти на фронт. Но девчонок оставили при больнице проходить месячные курсы санинструкторов. Когда я прибыла в дивизию, уже видела раненых. Говорили, что у этих ребят даже оружия не было: добывали в бою. Первое ощущение беспомощности и страха я испытала в августе сорок первого... — Ребята есть кто живой? – пробираясь по окопам, спрашивала я, внимательно вглядываясь в каждый метр земли. – Ребята, кому помощь нужна? Я переворачивала мёртвые тела, все они смотрели на меня, но никто не просил помощи, потому что уже не слышали. Артналёт уничтожил всех... — Ну не может такого быть, хоть кто-то же должен остаться в живых?! Петя, Игорь, Иван, Алёшка! – я подползла к пулемёту и увидела Ивана. — Ванечка! Иван! – закричала во всю мощь своих лёгких, но тело уже остыло, только голубые глаза неподвижно смотрели в небо. Спустившись во второй окоп, я услышала стон. — Есть кто живой? Люди, отзовитесь хоть кто-нибудь! – опять закричала я. Стон повторился, неясный, глухой. Бегом побежала мимо мёртвых тел, ища его, оставшегося в живых. — Миленький! Я здесь! Я здесь! И опять стала переворачивать всех, кто попадался на пути. – Нет! Нет! Нет! Я обязательно тебя найду! Ты только дождись меня! Не умирай! – и спрыгнула в другой окоп. Вверх, взлетела ракета, осветив его. Стон повторился где-то совсем рядом. — Я же потом никогда себе не прощу, что не нашла тебя, – закричала я и скомандовала себе: — Давай. Давай, прислушивайся! Ты его найдёшь, ты сможешь! Ещё немного – и конец окопа. Боже, как же страшно! Быстрее, быстрее! «Господи, если ты есть, помоги мне его найти!» – и я встала на колени. Я, комсомолка, просила Господа о помощи... Было ли это чудом, но стон повторился. Да он в самом конце окопа! — Держись! – закричала я что есть сил и буквально ворвалась в блиндаж, прикрытый плащ-палаткой. — Родненький, живой! – руки работали быстро, понимая, что он уже не жилец: тяжелейшее ранение в живот. Свои внутренности он придерживал руками. — Тебе придётся пакет доставить, – тихо прошептал он, умирая. Я прикрыла его глаза. Передо мной лежал совсем молоденький лейтенант. — Да как же это?! Какой пакет? Куда? Ты не сказал куда? Ты не сказал куда! – осматривая все вокруг, вдруг увидела торчащий в сапоге пакет. «Срочно, – гласила надпись, подчёркнутая красным карандашом. – Полевая почта штаба дивизии». Сидя с ним, молоденьким лейтенантом, прощалась, а слезы катились одна за другой. Забрав его документы, шла по окопу, шатаясь, меня подташнивало, когда закрывала по пути глаза мёртвым бойцам. Пакет я доставила в штаб. И сведения там, действительно, оказались очень важными. Только вот медаль, которую мне вручили, мою первую боевую награду, никогда не надевала, потому как принадлежала она тому лейтенанту, Остапкову Ивану Ивановичу...

4. Рассказ Юрия Яковлева «Реликвия»

На исходе прозрачного апрельского дня к бабе Настасье пожаловали незваные гости. Подталкивая друг друга и спотыкаясь о высокий порожек, в дом вошли ребята.

— Здравствуйте!

Гости смотрели на хозяйку, а хозяйка смотрела на влажные штемпеля, которые гости наставили на чистых половицах, и недовольно прикидывала, что после ухода честной компании придется браться за тряпку. Баба Настасья поджала губы и спросила:

— Чего надо-то?

Стоявший впереди других скуластый парнишка в высоких сапогах — он больше всех наследил, паршивец! — тут же отозвался:

— Реликвии есть?

Баба Настасья непонимающе уставилась на него и спросила:

— Старые газеты, что ли?

— Старые газеты — это макулатура, — тут же пояснил соседский мальчик Леня. — А нам нужны реликвии войны.

— Может быть, у вас есть штык или немецкая каска? — спросила стоявшая в дверях конопатенькая девочка в платке, соскользнувшем на плечи.

— Нет у меня немецкой каски. И штыка нет, — призналась баба Настасья.

— Она не воевала, — пояснил соседский мальчик Леня, который на правах соседа выступал как бы в роли посредника. — У нее муж воевал.

— Может быть, красноармейская книжка, пробитая пулей, хранится? спросил скуластый мальчик; судя по всему, он был в этой компании старшим.

— Или пилотка со звездочкой? — сказала конопатенькая.

Баба Настасья покачала головой.

— Плохо, — сказал старший.

— Плохо, — подтвердил соседский Леня.

Ребята переглянулись, засопели, затоптались на месте, не зная, уходить или еще что-нибудь спросить. И тут девочка сказала:

— Фото тоже годится.

— Годится! — обрадованно подхватил Леня: ему, видимо, очень хотелось, чтобы у его соседки бабы Настасьи нашлась хоть какая-нибудь реликвия, пусть фото. И он, не дожидаясь ответа, посоветовал: — Баба Настасья, поищите за образами.

— Нет у меня образов.

Что за неудачная бабка! И образов у нее нет.

— Когда нет образов — прячут за зеркалом! — не отступал Леня. — Зеркало у вас есть?

— Зеркало есть. — Баба Настасья исподлобья посмотрела на ребяташек. Ходите тут без дела, полы пачкаете!..

— Мы не без дела, — обиженно пробурчал старший, косясь на свои высокие грязные сапоги, — мы собираем музей войны.

— Великой Отечественной войны, — уточнил соседский Леня.

Такой поворот дела озадачил бабу Настасью. Она поднялась со скамейки и оказалась очень крупной, широкой в кости, только спина ее не до конца разгибалась, застыла в каком-то вечном поклоне.

— Есть у меня письмо с фронта. От мужа моего, Петра Васильевича, сказала она неуверенно, наугад. Само как-то сказалось. — Годится?

— Что же он не прислал фото? — с тихим упреком отозвалась конопатенькая. Баба Настасья не расслышала ее слов. Шаркая ногами, подошла к комоду, стала искать письмо за зеркалом. И вскоре ребята увидели в ее руках какой-то бумажный треугольник. Старший протянул руку, баба Настасья исподлобья посмотрела на него и нехотя отдала письмо.

Он покрутил странное письмо в руках и спросил:

— А где конверт с марочкой? Потерян?

— Ничего я не теряла! Разве тогда были конверты и марочки?

Треугольник, полевая почта, печать. Вот и все дела.

— Не было тогда конвертов и марочек, — принял сторону бабы Настасьи соседский Леня.

Но остальные отнеслись к словам старухи с недоверием: потеряла, старая, а теперь выдумывает. Они были убеждены, что раз есть письмо, то был конверт и была марка. Опять наступило неловкое молчание.

И опять конопатенькая спросила:

— Муж был героем войны?

Бабе Настасье надоело любопытство гостей. Она заволновалась, вспыхнула.

Сердитой скороговоркой произнесла:

— Никаким он не был героем. Давайте сюда письмо!

— Подождите, баба Настасья, — примирительно сказал Леня. — Надо ведь почитать письмо!

— Надо почитать, — поддержали его остальные, и вся честная компания направилась к окну, где было светлее.

Письмо было коротким и простым. Вот что писал муж бабы Настасьи с фронта:

— «Здравствуй, жена моя Настасья! С приветом к тебе твой муж Петр. Я покуда жив и здоров, чего и тебе желаю. Живу я неплохо.

Курево выдают своевременно. Но вместо махорки — табак филичевый, безвкусный. Куришь, куришь — никак не накуришься. Разве что дым идет. Я второпях потерял запасную пару портянок. Повесил сушить, а по тревоге снялись — забыл сунуть в вещмешок. Теперь маюсь. На ночь постираю единственную пару, к утру они не успевают высохнуть. Приходится надевать сырые. Ноги преют.

Мы сейчас больше копаем, чем стреляем. Копаешь, а от окопа пашней пахнет. И от этого родного запаха щемит сердце. А сколько еще провоюем не знаю.

Кланяйся дедусе Ивану, всем родным и соседям.

С фронтовым приветом, твой муж Петр».

Когда кончили чтение письма, конопатенькая покачала головой:

— Нет, это не реликвия.

— Понимаете, баба Настасья, не реликвия, — с сожалением сказал старший. — Все про табак, про портянки. А клятвы нет.

— Какой клятвы? — глухо спросила баба Настасья.

— «Умрем, но не отступим!» — как по писаному сказал старший.

Баба Настасья изумленно посмотрела на ребят.

— Не хотел он умирать, — сказала она.

— Поэтому и не реликвия, — тихо сказала конопатенькая.

— Может быть, реликвия, — сказал соседский Леня, стараясь удержать товарищей, но ребята потянулись к двери.

Старший хотел сложить письмо уголком, но не сумел. Так и сунул хозяйке несложенным.

Ребята ушли, в доме стало подчеркнуто тихо. А баба Настасья стояла перед закрытой дверью с письмом в руке, словно только что приходил почтальон. Потом она подошла к столу и вдруг почувствовала тупую неодолимую усталость. Она тяжело опустилась на скамью и закрыла глаза. Может быть, задремала. Может быть, время прошло в забытии. Но когда она открыла глаза, на дворе было уже темно. Баба Настасья встрепенулась, поднялась, зажгла свет. Она вернулась к столу, села на лавку. Перед ней лежало письмо. Она долго смотрела на листок, потому что знала письмо наизусть.

Когда много лет назад письмо пришло с фронта, все бабы завидовали ей. Потому что никто давно не получал писем. А бабы были усталые и свирепые. Один раз чуть не прибили хромого почтальона.

«Ты, хромой черт, без писем не приходи в деревню!» И долгое время на всю деревню было только одно письмо с фронта — Настасьино.

На фронте была своя война, а в деревне — своя: надрывались бабы, когда вместо лошади впрягались в плуг. Стирала в кровь плечи, сбивали ноги, надрывали животы. Такая это была пахота, что в конце полосы в глазах становилось темно, и тяжелая кровь начинала звенеть в ушах, и падали бабы на землю, как солдаты под огнем.

И вот тогда они требовали от Настасьи:

— Читай письмо!

Настасья, большая и сильная, поднималась на локте и хриплым голосом — в который раз! — начинала читать:

— «Здравствуй, жена моя Настасья!..»

И бабам чудилось, что в письме написано: «Здравствуй, жена моя Ньюша!» или: «Здравствуй, жена моя Ольга!» Это их мужья здороваются с ними. Это их мужья были живы и здоровы. И не нравился им филичевый табак: «Куришь, куришь — никак не накуришься!»

И не повезло с портянками: снимались по тревоге, забыли сунуть в вещмешок. Настасьино письмо грело серолицых, осунувшихся подруг, прибавляло им сил. И, снова впрягаясь в плуг, они говорили:

— У них окоп пахнет пашней, а у нас пашня пахнет окопом.

Поздно вечером обязательно кто-то стучал в окно Настасье:

— Отвори!

— Что тебе, соседка?

— Дай почитать письмо.

Письмо как бы стало общим, принадлежало всей деревне..

Сидя над письмом в кружочке, высвеченном керосиновой лампой, соседка успевала и поплакать, и посмеяться, и утешиться, и утешить хозяйку.

— Ты не расстраивайся из-за портянок. К зиме обязательно новые выдадут. Я знаю...

И так продолжалось долго. Из других деревень приходили почитать Настасьино письмо. А мужа Петра Васильевича уже не было в живых...

Сейчас это письмо лежало на столе перед бабой Настасьей, словно только что пришло от мужа. А раз пришло письмо — значит, он жив.

Только очень далеко от дома. И пишет он, живой, про обычные житейские вещи: плохой табак и про забытые впопыхах портянки...

Но потом бабе Настасье показалось, что она держит в руках не свое письмо, а чужое, полученное от живого мужа соседкой и данное ей на время, для утешения.

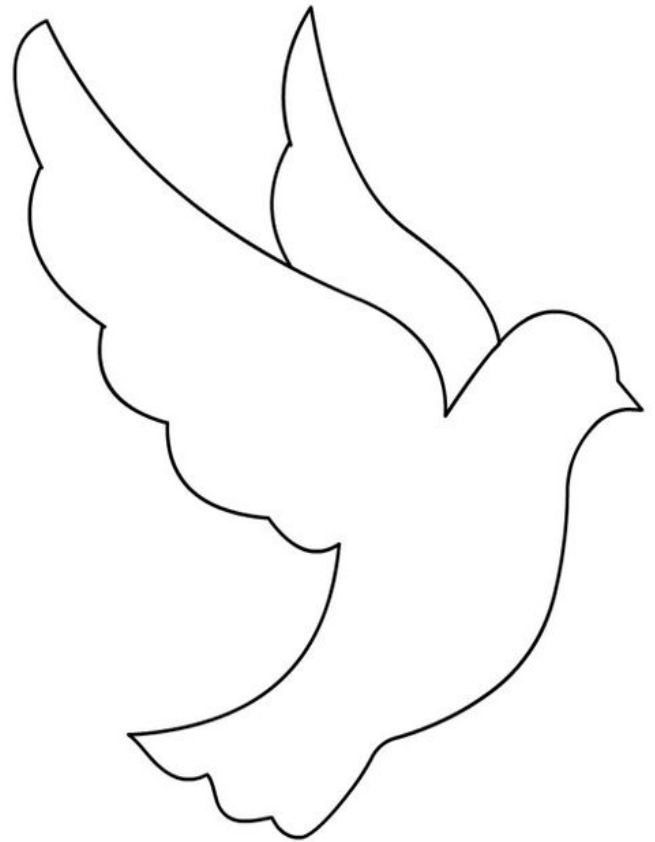
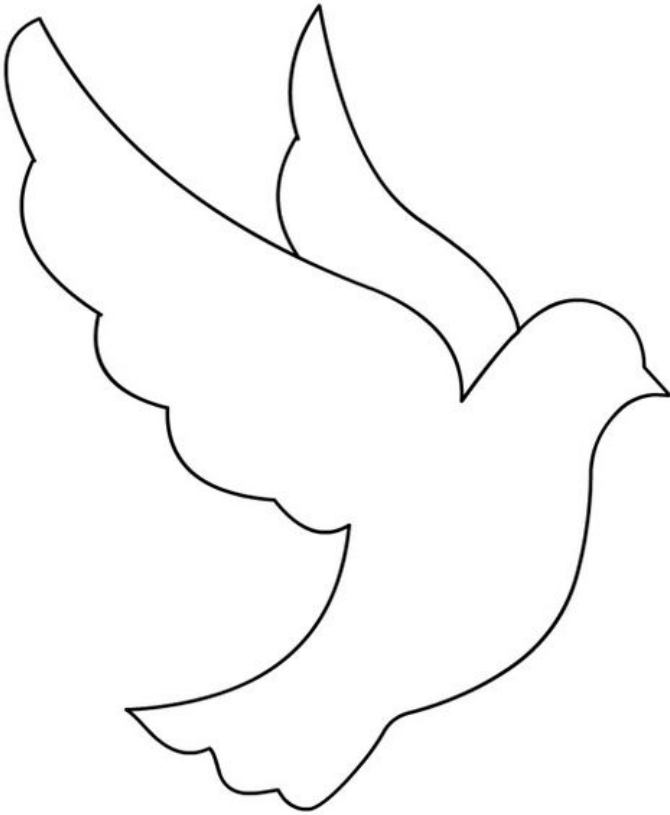
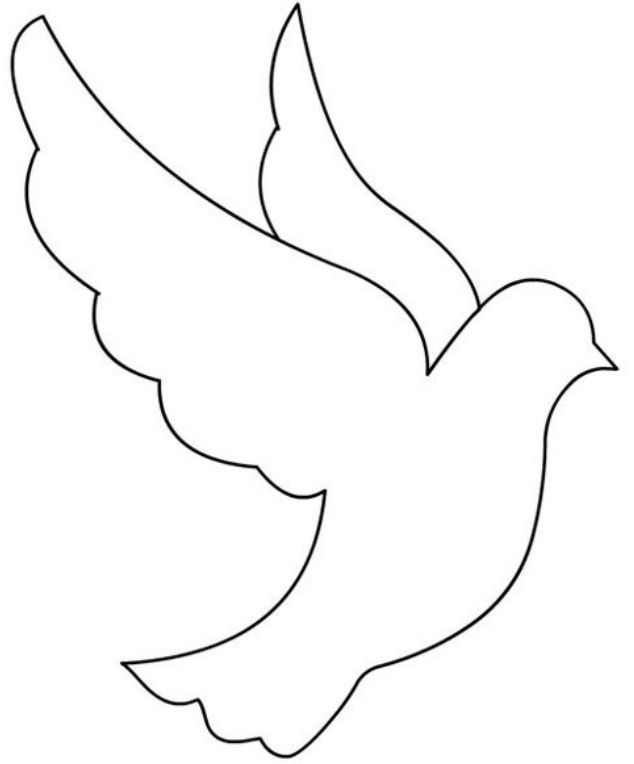
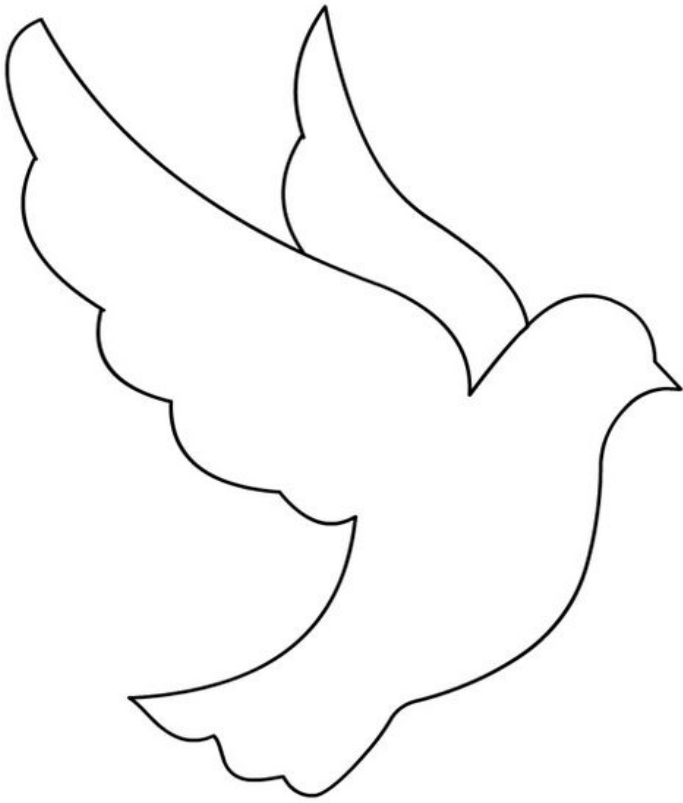
Она отвела глаза от письма и увидела ребячьи штемпеля на половицах, но не рассердилась. Эти ребяташки вечно что-то собирают — то лекарственные травы, то колоски. Теперь они ищут реликвии.

А письмо им не подошло, потому что им, ребяташкам, невдомек, что стояли твердо и погибали в бою и те, кто не писал: «Умрем, но не отступим!» Ну и слава богу, что не нужно детям это письмо, что живут они хорошо и не требуется им утешения. И теперь не бьют почтальона, и нет такого положения, чтобы на всю деревню была одна только весточка.

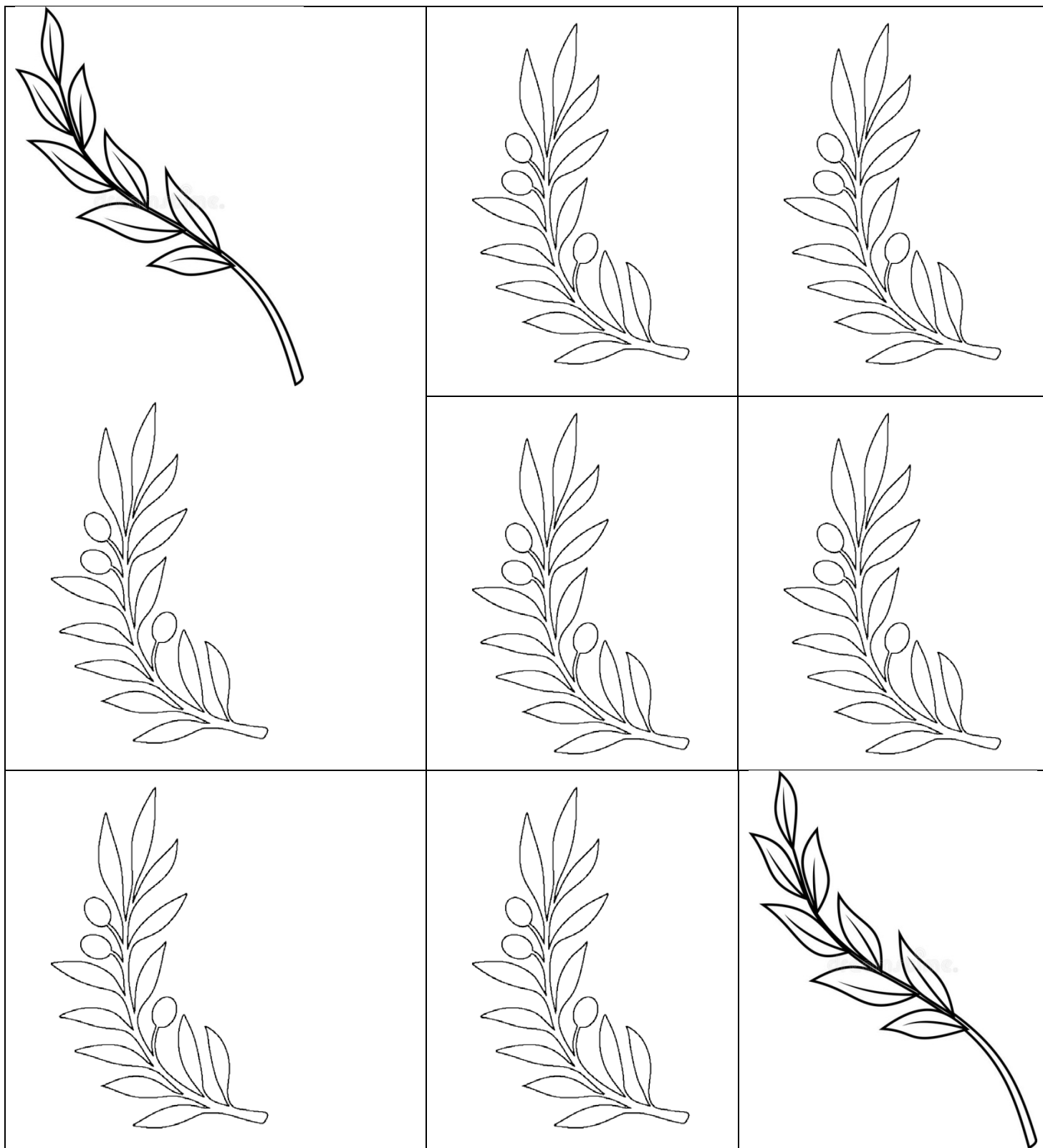
Баба Настасья вздохнула. И аккуратно сложила старое фронтовое письмо по складкам, чтобы получился треугольник.

Потом ей стало душно, и она заковыляла к двери. Вышла на крыльцо. Было уже совсем темно. В разных уголках густой мягкой тьмы поблескивали огни деревни. Тут хлопнула калитка, послышались голоса, и баба Настасья увидела три приближающиеся фигурки: это ребята возвращались за письмом солдата. Она вздохнула и почувствовала бесконечно родной и знакомый запах. Он проникал внутрь, разливался по телу, и с каждым вздохом бессилие старой женщины как бы растворялось, теряло свою гнетущую тяжесть. Это был запах сырой весенней земли — запах пашни, похожий на запах окопа.

Бумажные фигурки «Голубь мира»

Бумажные фигурки лавровой ветви

Книжки-самodelки о войне

